

ИСТОРИК — ПОЭТ

Сын двух великих поэтов не может не стать поэтом. Сыну двух великих поэтов очень трудно быть поэтом, а тем более получить признание в этом качестве. Лев Николаевич Гумилев нашел свой путь, создав многотомные поэтически-исторические сочинения. Не бывает поэтического источниковедения, как не бывает поэтической археологии, но поэтическая история существует. Она строится на интуиции и неких внутренних принципах красоты и справедливости. Она возникает в сфере господства неопределенности, которая характерна для прошлого не меньше, чем для будущего. Само собой

разумеется, что такой подход вызывал и вызывает много серьезных возражений. У Льва Николаевича Гумилева оппонентов в постсоветское время было не меньше, чем в советское. Его научная биография не делится на период советского запрета и постсоветской свободы. Он увлекал и возмущал читателей и тогда, и сейчас.

Его человеческая биография, полная мучений и страданий, репрессий и подвигов, смотрится вне конкретного времени, как биография семьи и таланта, в которой политическая история страны оказывается только фоном. Лев Николаевич Гумилев после очередного освобождения из лагеря работал в Эрмитаже. Его опекал Михаил Илларионович Артамонов, а Гумилев принял активное участие в востоковедном осмыслении актуальной вчера и сегодня темы хазар. В Эрмитаже же он написал и опубликовал в 1962 году работу о Бахраме Чубине (Подвиг Бахрама Чубины / Подбор и перевод источников, вступит. ст. и коммент. Л.Н. Гумилева. Л., Издательство Государственного Эрмитажа, 1962), иранском герое-правителе. Эта работа представляется мне блестящим образцом подхода к истории, которая делает труды Гумилева столь увлекательными для широкой публики. Ее основа и источник вдохновения — прекрасный авторский перевод текстов из великого «Шах-намэ». Поэтический текст и авторский перевод являются неотъемлемой частью всех рассуждений.

Чувство справедливости было одним из движущих сил работ Гумилева по тюркской тематике. Он пламенно выступал против откровенно односторонней и политически-мотивированной трактовки взаимоотношений России и Степи, русских и татар. Пафос этой его «защитной» деятельности соединяет вместе науку, веру и поэзию.

Я думаю, что одно из событий в посмертной биографии Льва Гумилева, которая еще не закончилась, особо значимо. В честь тысячелетия Казани предполагалось поставить в городе памятник Петру I. Жители Казани настояли на том, чтобы поставить вместо него памятник Льву Гумилеву. Это удивительный факт из истории проблемы «интеллигенции и власти». И этот факт создан всей жизнью Льва Николаевича Гумилева.

М.Б. Пиотровский,
директор Государственного Эрмитажа